

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА

Мустакимова Г.В.

Казахстан, Костанайский государственный педагогический институт

Проблема межкультурной коммуникации (далее – МКК), привлекая пристальное внимание лингвистов в конце XX столетия, относится к кругу проблем, социокультурный потенциал которых настолько велик и неисчерпаем, что продолжает разрабатываться и в XXI веке. Это связано с тем, что множество людей встречается с проблемами межкультурного непонимания, обусловленными различиями в культуроспецифичных нормах коммуникации. Это непонимание вызывает у партнеров чувство неуверенности и боязнь совершить промах, попасться в “коммуникативную ловушку/1,57/. Проблемы МКК занимают многие науки: антропология, этнография, теория коммуникации, лингвистика, психология, этнопсихоанализ, этнориторика, этнография речи. Заинтересованность столь многих наук в МКК, возможно, объясняется нечеткими границами самих понятий культуры и коммуникации. По подсчетам М.С. Кагана существует уже более 300 определений культуры, каждое из которых ориентировано на круг проблем, разрабатываемых данной отраслью знания, в том числе и лингвистикой /3,13/. На наш взгляд, наиболее актуальными представляются определения, данные Ю. М.Лотманом (культура как совокупность текстов, точнее, механизм, создающий совокупность текстов), а также Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским (культура как знаковая система; как наследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний)/2,15/. Как совершенно справедливо указывает Ф.Л.Касмир, эта система, которую входят также определенные понятия, представления о ценностях и правила, не является чем-то неизменным, раз и навсегда данным, а постоянно изменяется в процессе приспособления человеческого общества к окружающему миру. Собственно, культура и есть выражение человеческой способности адаптироваться к окружающей действительности, в силу чего культура – феномен прежде всего динамический /1,57/. Свое понимание культуры как коммуникативного процесса подчеркивают многие авторы, однако такой подход не исключает и рассмотрения культуры в статичном аспекте, т.е. как совокупность высказываний (например, мер, произведений), символических рядов, служащих различным целям коммуникации (например, ритуалов), средств коммуникации (там же).

Поскольку этноцентризм, возвеличивание собственного культурного стандарта противоречит основному тезису современной общественной и политической этики – тезису о равенстве всех людей, то в теории МКК появилось встречное понятие – релятивизм”, согласно которому не существует высокоразвитых и низкоразвитых культур: культуры нельзя подвергать оценочному сравнению. /1,60/. Культурный релятивизм как очень желательная характеристика языковой личности создает необходимые исходные предпосылки для взаимопонимания в процесс МКК, хотя и предъявляет очень высокие требования к среднестатистическому человеку, поскольку лишает его привычных ценностных ориентиров /2,69/.

Практика МКК свидетельствует также и о том, что непонимание может возникнуть и при достаточно высоком уровне языковой компетенции говорящих, если под компетенцией понимать владение правилами грамматики. Языковая картина мира является частью концептуальной. Языковая картина мира, в свою очередь, также неоднородна. По мнению современных исследователей, наиболее отчетливо в ней противопоставлены грамматическая и семантическая составляющие. Как известно, через парадигмы в языке выражаются грамматические категории. Грамматическая категория – это система противопоставленных друг другу грамматических значений вместе с системой выражающих их формальных средств. Грамматические категории обязательно есть в каждом языке. Но в каждом языке их набор – свой. В частности, русскому языку присущи такие грамматические категории, как род, число, падеж, лицо, время, наклонение, вид, залог, степени сравнения. Все они охватывают максимально широкий круг лексики (практически целую часть речи или даже несколько частей речи), и

все они с необходимостью (обязательностью) используются при построении высказываний. Поэтому для носителя языка они кажутся естественными и даже единственно возможными. Однако тот же род или вид представляет существенные трудности, скажем, для англичанина, изучающего русский язык. Почему *океан* и *ручей* – мужского рода, *заводь* и *река* – женского, а *озеро* и *море* – среднего? В чем разница в смысле высказываний *Саша мне этого не сказал* (совершенный вид) и *Саша мне этого не говорил* (несовершенный вид)? Глубинная причина всех этих и подобных трудностей – в том, что грамматические значения (и объединяющие их грамматические категории) слабо связаны с объективной действительностью. В отличие от лексических, грамматические значения в большей степени замыкаются на самих себе, ограничиваются рамками языка поэтому-то “чужие” грамматические категории кажутся нам странными, необязательными, даже нелогичными. Вот как писал один из исследователей туземных языков Северной Америки: “Индеец понка для того, чтобы сказать ‘человек убил кролика’, должен выразиться: ‘человек, он, один, живой, стоя (в именительном падеже), нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего (в винительном падеже)’, ибо форма глагола “убить” для данного случая должна быть выбрана из числа нескольких форм. Глагол меняет свою форму, чтобы обозначить лицо, число, род, одушевленность или неодушевленность, положение (стояние, лежание, сидение) и падеж. Так что и русской фразе, прямо скажем, хватает грамматического своеобразия. Во всяком случае, если взглянуть на нее глазами англичанина, то в ней тоже обнаружатся необязательные и “странные” значения вроде уже упоминавшихся рода и вида. Но и в английском языке есть свои специфические категории, подлежащие обязательному выражению в речи, – такова, например, категория определенности/неопределенности имени, И русский, переводя данную фразу на английский, будет ломать голову над тем, с каким артиклем – определенным или неопределенным употребить слово *man* ‘человек’ и *rabbit* ‘кролик’...

Реализация лингвистического аспекта межкультурной коммуникации может успешно осуществляться в процессе преподавания различных языковых курсов. Так, в ходе преподавания лингвистических дисциплин: «Введение в языкознание», «Современный русский язык», «Типологическое языкознание», «Общее языкознание» на лекционных и практических (семинарских) занятиях обязательно касаясь темы «Классификация частей речи», считаем необходимым привести тот факт, что части речи в разных языках воспринимаются по-разному. Это позволяет увидеть не только многообразие структурных типов языков, способов выражения грамматических категорий в разных языках, но и возможность объяснения причин языковых различий. Можно привести примеры из языков различной типологии. Например, в берберских языках нет прилагательных, а есть только глаголы состояния, причастия от которых и выполняют функцию прилагательного. Поэтому, например, на языке тамазигхт можно буквально выразить мысль: «женщина красивеет» и «женщина, являющаяся красивой». Все это еще раз доказывает, что между частями речи нет жестких границ, как их нет и в окружающем нас мире. Данный фактический материал позволяет понять не только структурные особенности языков разных типов, но и выявить культурологические факторы в языке, найти « точки соприкосновения», позволяющие людям разных культур понимать друг друга и общаться в поликультурной среде. Подобные примеры помогают при изучении сложных теоретических курсов лингвистики сформировать общие понятия в рамках проблемы межкультурной коммуникации. Важно также показать, например, при изучении тем «Система и структура языка», «Классификация языков», что своеобразен не только набор грамматических категорий в каждом языке, но и их внутренняя структура. Так, нам представляется совершенно естественным и логичным подразделение времени на три составляющих: настоящее, прошедшее и будущее. Формы настоящего времени указывают на одновременность действия с моментом речи; формы прошедшего – на то, что действие предшествовало моменту речи; формы будущего – на то, что действие последует за моментом речи. Однако во многих европейских языках глагольных времен не три, а, скажем, пять или семь. И это заставляет нас усомниться или, по крайней мере, задуматься о преимуществах русской

темпоральной системы. Уместно, на наш взгляд, в процессе изучения ключевых тем по упомянутым выше лингвистическим дисциплинам делать акцент на том, что совершенствование языка идет по многим направлениям. В совершенном языке есть имя для всего. Он – как поэт, о котором Блок сказал: *“...сочинитель, человек, называющий все по имени...”* Совершенный словарь – это не просто большой словарь. Это разнообразный словарь. В нем есть слова обобщающие и слова уточняющие; есть слова, передающие чисто рациональное содержание, и слова, выражающие чувства; есть названия совокупностей, собирательные слова и названия для единичного, отдельного; в нем есть названия для невидимого, неслышимого, неосязаемого... дело, однако, не только в лексическом богатстве. Совершенство языка предполагает тонкую стилистическую дифференциацию языковых средств. Стилистическая неоднородность языка позволяет самим выбором слов, форм, конструкций сигнализировать тип общения, характер контакта говорящих, жанр речи, создать атмосферу официальности или непринужденности, ласки или презрения... совершенный язык – это способность средствами грамматики передать весь спектр модальных отношений, выразить разнообразные временные и пространственные значения, передать градации качества и количества, тонко дифференцировать причинно-следственные связи, сигнализировать взаимоотношения участников диалога. Все то, в чем заключается совершенство языка – богатство словаря, функционально-стилистическая специализация языковых средств, углубленная семантическая дифференциация грамматических форм, – не зависит от типологических характеристик языка, но создается в течение веков народом, говорящим на языке. Иными словами, язык совершенствуется в общении. Незрелый язык – это язык, который мало, узко, ограниченно использовался и потому не выявил свои возможности. Чем продолжительнее и богаче событиями социальная и культурная история народа, чем сильнее и ярче непрерывная литературная традиция, чем интенсивней и многообразней индивидуальная, частная жизнь людей, тем совершеннее язык народа. Н. Г. Чернышевский писал: *“Не в том главное дело, каковы формы языка, а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком... Прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития”*⁷, 848/.

Собственно лингвистический анализ МКК не исчерпывается, однако, уровневый анализом языковых единиц, используемых в устных и письменных текстах, порождаемых в процессе межкультурного общения. Гораздо более полноценный и перспективный в лингвистическом плане подход к МКК может предложить этнография речи, которая изучает модели и правила коммуникации в различных речевых коллективах. В этнографическом подходе к речи, как утверждают исследователи, сочетаются методы антропологического анализа и социолингвистики.

Данный подход позволяет исследовать языковой и культурный аспекты коммуникации в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. При этом следует иметь в виду: эти два аспекта настолько переплетены друг с другом, что разделение их для анализа является скорее методическим приемом. Учитывая это качество МКК, О.А.Леонтович считает целесообразным исследовать культурно-языковой код как сложную и многокомпонентную структуру /4, 81/. Автор исходит и наличия двух кодов в общении – собственно языкового и культурного. При совпадении кодов открываются каналы коммуникации, при несовпадении эти каналы блокируются. Блокировка может быть полная и частичная. При полной блокировке участники коммуникации обычно осознают возникшие затруднения и включают обратную связь. При частичной блокировке возникает иллюзия коммуникации, когда, по крайней мере, одному из участников кажется, что общение осуществляется нормально (там же). В терминологии Т.М.Дридзе /5, 147/, в таком случае имеет место *“псевдокоммуникация”*: элементы одного кода, проникающие в другой код, становятся причиной частичной или полной блокировки каналов коммуникации. Если избыточность информации при общении в контексте одной культуры тормозит коммуникативный процесс (наоборот, экономия усилий является важным фактором эффективного общения), то при соприкосновении разных культур может возникнуть противоположная ситуация, вызываемая *“фреймовым конфликтом”* /6, 36/. В таких случаях

успешность коммуникации обеспечивается именно некоторой избыточностью информации (повторами, перифразами и т.д.) при обязательном осуществлении обратной связи. Если в обычной, монокультурной коммуникации сценарные фреймы (скрипты) служат когнитивной основой для формирования связей между уже накопленным опытом и новым, получаемым в процессе общения, то в МКК может проявиться несовпадение скриптов в разных культурах, что опять-таки может привести к коммуникативной неудаче /4,83/. И наконец, возможна такая, казалось бы, парадоксальная ситуация в процессе МКК: сбой наступает тем вероятнее, чем ближе культуры друг к другу (в том числе и в чисто языковом отношении) /1,61/.

Основные коммуникативные способности человека формируются в контексте поликультурного общества, т.е. общества, в котором в тесном контакте живут выходцы из разных культур. Так, в условиях нашего казахстанского общества, политика в области образования основана на признании того, что социокультурная ситуация в ней определяется в основном двуязычием и поликультурностью. В связи с этим и должно строиться обучение в школах, в вузах, и быть направлено на формирование традиционных для данного типа общества видов коммуникативной компетенции: передача идей и информации; работа в команде; планирование и организация определенных видов деятельности; использование технологий; решение проблемных ситуаций и т.д. Обучение должно проводиться с учетом задач МКК, осуществляемой прежде всего в образовательной сфере, на рабочем месте. В этой ситуации затребованными оказываются такие коммуникативные способности личности, которые обеспечат успешное общение с коллегами, принадлежащими к разным культурным и языковым ареалам. Следует особо подчеркнуть, что формирование межкультурной коммуникативной компетенции – это не просто расширение языковой коммуникативной компетенции как таковой, а принципиальное построение ее на экстралингвистической основе. Это значит, что человек должен строить свое общение с другими людьми, выходцами из других культур, исходя из знания специфики культур. Цель такого подхода к формированию коммуникативной компетенции состоит в предотвращении возможных недоразумений, дискриминации и возникновения культурных стереотипов. При проведении практических занятий на филологическом факультете по курсам «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Типологическое языкознание» успешность коммуникации в монокультурной среде достигается соответствием речевого поведения участников общения следующим коммуникативным правилам, известным как постулаты Грайса /1,63/: 1) правило количества – высказывание должно быть достаточно информативным: а) сообщение должно быть нормативным, насколько это необходимо; б) сообщение не должно быть излишне информативным; 2) правило качества – высказывание не должно быть ложным а) не говори того, что считаешь неверным; б) не говори того, что ты плохо знаешь; 3) правило релевантности – высказывание должно быть по существу; 4) правило модальности – высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорядоченным: а) избегай неясности; б) избегай двусмысленности; в) будь краток; г) говори по порядку.

При изучении проблемы языковых универсалий и закономерностей изменений в языках необходимо обратить внимание на важное положение: универсальное в истории языков сильнее всего проявляется в глубинных, фундаментальных закономерностях исторических процессов, подобно тому, как структуры языков сходны в главном – в самих принципах устройства языка.

История каждого конкретного языка уникальна – прежде всего потому, что она осуществляется в своем, неповторимом языковом материале, однако “механизмы” истории едины. Универсальна сама способность и готовность каждого языка изменяться “в ответ” на изменения в потребностях общения и познания. Универсальна вероятностная природа языковых закономерностей, а также соотношение случайности и детерминированности в языковых процессах. Эти наиболее общие универсальные принципы реализуются в более частных закономерностях, носящих, однако, также универсальный характер, – например, закономерности перерастания речевых изменений в языковые; неравномерность изменений разных языков; медленность изменений грамматики в сравнении с изменениями в словаре и т. п. Общие

закономерности, относящиеся к содержанию изменений, связаны с ответом на вопрос о том, куда, в каком направлении развиваются языки. Мы видели, что не существует единой структурной “цели” развития языков – некоего самого совершенного, оптимального типа языковой структуры. Ни аналитизм, ни флексия, ни агглютинация, ни номинативный строй предложения не могут рассматриваться в качестве всеобщего предела языковой эволюции. И все же известная общность в направлении языковых изменений есть. Эта общность – в эволюции отношения человечества к языку, в развитии возможностей использования языка. Таким образом, общее в направлении языковых изменений носит социолингвистический характер.

Языковые изменения, в конечном счете, представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания. Прогресс языка обусловлен поступательным движением общества, развитием его материальной и духовной культуры, среды. Закономерностью развития языка является формирование вторичной системы плана выражения – письма, что приводит к резкому увеличению коммуникативных возможностей языка и существенно меняет характер использования языка в обществе. Формируется новый тип речи – письменная речь, с присущими ей особенностями порождения и восприятия текста, высокой информативной емкостью и значительно большей эксплицированностью (выраженностью) информации. Становится возможным “молчаливое” общение, при котором коммуниканты разделены в пространстве и/или во времени. Возрастает жанровое разнообразие речи. Традиции письменной речи (конкретного языка) во многом определяют характер его стилистической дифференциации. При этом история письменности в различных социумах состоит в расширении функций и сфер использования письма, в преодолении исключительности письменной речи, типичной для ранних этапов ее существования. При изучении темы «Язык и общество» в курсах «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» обращаем внимание на то, что история взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями развития человеческого общества, такими, как интеллектуализация производства, усложнение социальной организации общества, удлинение сроков обучения, развитие каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. Удлиняется “языковое существование” каждого человека: растут те ежедневные часы, в которые человек говорит, слушает, читает, пишет, размышляет.

По мере возрастания роли языка в жизни людей расширяются возможности социума регулировать языковые аспекты коммуникации, успешно их применять в процессе речевого общения.

Литература:

1. Трошина Н.Н. Лингвистический аспект межкультурной коммуникации //Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000 г.
2. Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере //Проблемы этносемантики. М., 1998 г.
3. Каган М.С. Философия культуры. Спб. Петрополис, 1996.
4. Леонтович О.А. Парадоксы межкультурного общения. //Языковая личность: Аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.
5. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии. //Общественные науки и современность. М., 1996.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997.
7. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1951.

Summary

The article is about the problem of language – culture interaction, reflection of national and cultural peculiarities.

That approach has theoretical and practical importance in methods of teaching and realizes the state language policy.